Стоя за кулисами, Риса ждет своей очереди выйти к роялю.

Сонату, которую ей предстоит сыграть, она может воспроизвести даже во сне. Она часто так и делает. Сколько раз она просыпалась ночью, чувствуя, как пальцы перебирают складки простыни, словно клавиши рояля. Музыка играла в голове всю ночь, и, проснувшись, Риса продолжала слышать ее. Через несколько секунд сон рассеивался, только пальцы тихонько барабанили по простыне.

Она заставила себя выучить сонату в совершенстве. Ей нужно было играть так легко, как дышать.

«Это не конкурс, Риса, – часто повторяет мистер Дюркин. – Здесь не может быть победителей или проигравших».

Но Риса так не считает.

– Риса Уорд, – объявляет конферансье, – прошу вас.

Девочка расправляет плечи, закалывает длинные каштановые волосы и поднимается на сцену. Раздаются сдержанные, вежливые аплодисменты. Часть людей искренне ее поддерживают – в зале сидят друзья и учителя, которые желают ей успеха. Но остальные аплодисменты от тех, кого нужно впечатлить. Мистер Дюркин тоже сидит в зале. Риса занимается у него уже пять лет. Ближе его у нее никого на свете нет. Да и то уже прекрасно – не каждому ребенку в Двадцать третьем Государственном Интернате штата Огайо удается наладить с учителем такой контакт. Большая часть сирот, живущих в государственных интернатах, ненавидит своих учителей, считая их тюремщиками.

Стараясь не обращать внимания на дискомфорт, причиняемый неудобным концертным платьем, девочка садится за рояль – «Стейнвей» – черный, как ночь, и почти такой же длинный. Сконцентрироваться.

Она задерживает взгляд на рояле, заставляя лица людей медленно утонуть во тьме. Публика ничего не значит. На свете нет ничего, кроме нее, этого великолепного рояля и прекрасных звуков, которые она вот-вот из него извлечет.

Риса поднимает руки, и пальцы на мгновение застывают над клавиатурой, а потом девочка начинает играть. Пальцы порхают над клавишами, музыка струится из-под них, бегло, непринужденно. Прекрасный рояль поет… но вдруг левый безымянный палец соскальзывает с клавиши ре-бемоль, и вместо нужной ноты Риса берет простое ре.

Ошибка.

Она проскочила так быстро, что публика, возможно, ничего и не заметила, но Риса прекрасно все поняла. Фальшивая нота звучит в уме, как заунывный звук волынки, постепенно усиливаясь до крещендо, отвлекая девочку от игры. Риса теряет концентрацию и снова ошибается, а через две минуты берет неверный аккорд. Глаза наполняются слезами, и она перестает что-либо видеть.

«Оно мне и не нужно, – повторяет про себя Риса. – Важно чувствовать музыку. Еще не поздно выйти из этого пике, ведь нет?» Ее ошибки кажутся ужасными, хотя неискушенный слушатель вряд ли заметил бы их.

«Да не беспокойся ты, – сказал бы мистер Дюркин, – никто же тебя не осуждает». Да, может,

он сам в это верит, но и то лишь потому, что может себе это позволить. Ему уже не пятнадцать, и он никогда не был сиротой, живущим за счет штата.

* * *

Пять ошибок.

Не грубые, едва заметные, но все же ошибки. Может, все и было бы хорошо, если бы на одной сцене с Рисой не выступали настоящие знаменитости – но другие участники играли безупречно.

Мистер Дюркин счастливо улыбается, приветствуя Рису на выходе из зала.

– Ты была великолепна! – говорит он. – Я горжусь тобой.

– Я играла отвратительно.

– Чепуха. Ты выбрала одно из самых сложных произведений Шопена. Даже профессионалы не могут сыграть его без ошибок. Ты сыграла достойно!

– Мне мало играть достойно.

Мистер Дюркин вздыхает, но возразить ему нечего.

– Ты играешь все лучше и лучше. Я уверен, недалек тот день, когда эти руки будут играть в Карнеги-холле.

Он искренне, довольно улыбается. Девочки в общей спальне поздравляют Рису так же, как и мистер Дюркин, – им незачем врать ей. Этого достаточно, чтобы в душе девочки возродилась надежда, и Риса спокойно засыпает, когда наступает время отбоя. Ладно, думает она, я готова допустить, что, быть может, придаю всему этому слишком много значения. Как знать, может, и не стоит быть такой жестокой по отношению к себе. Риса засыпает, думая о том, какое произведение выбрать к следующему конкурсу.

* * *

Через неделю ее вызывают в кабинет директора.

Там девочку ожидают три человека. Настоящий трибунал, думает она. Трое взрослых сидят в ряд, что придает им еще больше сходства с тремя мудрыми обезьянами: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю.

– Присаживайся, Риса, – говорит директор, указывая на стул.

Она пытается двигаться грациозно, но мешают дрожащие колени. В результате девочка неловко плюхается на стул, думая о том, что он слишком мягкий для зала, в котором заседает инквизиция.

Из всех троих Риса знает только директора. Ясно только, что двое других – официальные лица. Они ведут себя спокойно, словно подобные заседания для них дело привычное.

Женщина, сидящая слева от директора, представляется социальным работником. Оказывается, «дело» Рисы находится под ее контролем. До этого момента девочка и не подозревала, что у нее есть какое-то «дело». Женщина называет имя, но Риса его не запоминает – миссис Как-то-

там. Позже она будет стараться вспомнить его, но безуспешно. Женщина перелистывает папку, в которой хранится вся недолгая пятнадцатилетняя жизнь Рисы, небрежно, как будто читает газету.

– Так-так, – произносит она. – Ты находишься на попечении штата с младенчества. Поведение самое похвальное. Оценки хорошие, но могли бы быть и лучше.

Женщина поднимает голову и улыбается Рисе.

– Я видела, как ты играла на конкурсе. Очень хорошо.

«Хорошо», – думает Риса. Но не превосходно.

Миссис Как-то-там снова принимается листать папку, но Риса видит, что на самом деле она не читает. Какое бы решение ни собиралась вынести эта троица, они давно уже обо всем договорились, задолго до того, как Риса вошла в кабинет директора.

– Зачем вы меня вызвали? – спрашивает Риса.

Миссис Как-то-там закрывает папку и смотрит на директора и сидящего рядом с ним мужчину в дорогом костюме.

Костюм кивает, и социальная работница поворачивается к Рисе, радушно улыбаясь.

– Мы считаем, что ты исчерпала свой потенциал в данном заведении, – говорит она. – Ваш директор, мистер Томас, и мистер Полсон согласны со мной.

Риса бросает взгляд на человека в костюме.

– А кто такой мистер Полсон?

Костюм прочищает горло, прежде чем заговорить.

– Я школьный юрист, – произносит он наконец извиняющимся тоном.

– Юрист? А зачем здесь юрист?

– Таков регламент, – объясняет директор Томас. Видимо, галстук внезапно показался ему похожим на удавку, потому что он в срочном порядке ослабляет его, засунув палец за воротник. – В уставе школы записано, что юрист обязательно должен присутствовать при подобного рода процедурах.

– О каких процедурах вы говорите?

Троица переглядывается, но никто, похоже, не готов взять на себя обязанности спикера. В конце концов миссис Как-то-там решается заговорить:

– Тебе должно быть известно, что места в государственных интернатах сейчас на вес золота. Бюджет постоянно урезают, и это касается, к сожалению, всех учреждений подобного рода – наше не исключение.

Риса, не отрываясь, смотрит в спокойные, холодные глаза миссис Как-то-там.

– Сиротам, находящимся на попечении государства, места в интернатах гарантированы

законом, – говорит девочка.

– Совершенно верно, но гарантия распространяется на детей, не достигших тринадцатилетия.

Неожиданно оказывается, что всем есть что сказать.

– Денег хватает только на малолетних, – говорит директор.

– Необходимо вносить поправки в школьную программу, – заявляет юрист.

– Мы хотим только добра тебе и всем остальным детям, содержащимся в стенах этого учреждения, – перебивает их миссис Как-то-там.

Обрывки фраз летают по комнате, словно мячики, отброшенные умелой рукой теннисиста. Риса ничего не говорит, просто слушает.

– Ты отлично играешь на рояле, но…

– Как я уже сказала, ты достигла предела своего потенциала…

– По крайней мере, в данном заведении…

– Если бы ты выбрала менее престижную учебную программу…

– Нет, ну, это еще вилами по воде писано…

– У нас связаны руки…

– Нежеланные дети рождаются каждый день – и не всех успевают подбросить…

– Наш долг – позаботиться о тех, кому не повезло…

– Необходимо найти место для каждого сироты…

– Значит, каким-то образом необходимо уменьшить количество подростков, содержащихся в интернатах, на целых пять процентов…

– Ты же сама понимаешь, не правда ли?..

Риса больше не может все это слушать. Она наконец подает голос, и все трое тут же замолкают, потому что она произносит то, что ни один из них не осмелился озвучить.

– Значит, меня отдают на разборку?

Тишина. Молчание – знак согласия, оно красноречивее любых слов.

Социальная работница хочет взять Рису за руку, но девочка отстраняется.

– Я понимаю, тебе страшно. Перемены всегда пугают.

– Перемены?! – кричит Риса. – Вы называете это переменами? Смерть чем-то отличается от перемен, как вы считаете?

Директору, видимо, снова становится душно, и он опять ослабляет узел галстука, не желая, очевидно, получить преждевременный удар. Юрист открывает портфель.

– Пожалуйста, мисс Уорд. Это не смерть, и я уверен, всем было бы намного легче, если бы вы перестали говорить столь некорректные вещи. Дело в том, что вы останетесь на сто процентов живой, но в разделенном состоянии.

Он достает из портфеля буклет в яркой обложке.

– В этой брошюре содержится информация о заготовительном лагере «Твин Лэйкс».

– Это прекрасное место, – говорит директор. – Мы направляем туда всех детей, готовящихся пройти процедуру разделения. Даже моего собственного племянника там разобрали.

– Рада за него.

– Я все же настаиваю на том, что вас ждут именно перемены, – говорит социальная работница, – не более того. Так, вода, изменяясь, превращается в облака и выпадает на землю дождем, а дождь, замерзая, превращается в снег. Ты будешь жить, Риса. Просто в иной форме.

Но Риса их больше не слушает. Ее захлестнула волна паники.

– Я могу отказаться от музыкальной карьеры, – говорит она. – Я могла бы заняться чем-нибудь еще.

– К сожалению, слишком поздно, – говорит директор Томас, горестно кивая.

– Нет, не поздно. Я привыкла работать над собой. Я могла бы пойти в армию. Там всегда нужны солдаты.

Костюм раздосадовано вздыхает и смотрит на часы. Социальная работница наклоняется к девочке.

– Риса, прошу тебя, – говорит она. – Чтобы стать солдатом, нужно иметь определенное телосложение и долгие годы тренироваться, чтобы добиться необходимой физической формы.

– Разве у меня нет права выбора? – кричит Риса. Оглянувшись, она понимает, что вопрос риторический: за спиной уже стоят двое охранников, выбора нет. Когда они уводят ее, Риса вспоминает мистера Дюркина. Мысль о том, что его мечта, вполне возможно, осуществится, заставляет девочку горько рассмеяться. «Недалек тот день, когда эти руки будут играть в Карнеги-холле». К сожалению, без Рисы.

* * *

Зайти в спальню ей не дают. Брать с собой ничего не нужно, потому что вещи ей не понадобятся. Так всегда говорят тем, кому «посчастливилось» стать кандидатом на разборку. Только несколько самых преданных подруг тайком пробираются в школьный приемник-распределитель, и Рисе удается наспех обнять их и поплакать вместе в последний раз, да и то приходится постоянно смотреть по сторонам, как бы не поймали.

Мистер Дюркин не приходит прощаться, и это задевает Рису больше всего.

На ночь ее отводят в школьный туристический центр, в одну из спален для гостей, а утром, на рассвете, усаживают в огромный автобус, битком набитый детьми, которых переводят из центрального интерната в школы поменьше. Кое-кого из ребят она видела, но ни с кем лично не знакома.

По другую сторону от прохода сидит очень красивый мальчик – судя по всему, его везут на службу в армию.

– Привет, – говорит он, залихватски улыбаясь, как настоящий солдат.

– Привет, – отвечает Риса.

– Меня переводят в морскую академию штата, – говорит мальчик. – А тебя?

– О, меня? – переспрашивает Риса, силясь на ходу придумать что-нибудь впечатляющее. – В Академию мисс Марпл для одаренных детей.

– Врет она, – вмешивается костлявый бледный мальчишка, сидящий рядом с Рисой. – На разборку ее везут.

Бравый морячок отшатывается, словно разборка – какой-то особый вид заразы.

– О, – говорит он, – ну и дела. Плохо, конечно. Ладно, увидимся! – добавляет он, пересаживаясь в конец автобуса, где собралась тесная компания будущих солдат.

– Спасибо, – говорит Риса тощему мальчишке.

– Да ладно тебе, какая разница, – пожимает плечами он. – Давай знакомиться. Меня зовут Самсон. Я еду туда же, куда и ты.

Глядя на протянутую для рукопожатия полупрозрачную конечность, Риса едва сдерживает смех. Надо же, Самсон. Такое сильное имя для такого дохляка. Пожать руку она отказывается, чувствуя себя обиженной тем, что мальчик раскрыл ее маленький блеф перед симпатичным морячком.

– Так что же ты сделал, чтобы попасть на разборку? – спрашивает Риса.

– Лучше спроси, чего я не делал.

– И чего же ты не делал?

– Ничего, – отвечает Самсон.

Рисе ясно, что он хочет сказать. Не делая ничего, попасть в заготовительный лагерь проще простого.

– В любом случае, я никогда не стремился достичь чего-то великого, но теперь, если взглянуть на статистику, у одной части меня есть шанс достичь величия где-нибудь в мире. Я бы предпочел быть хотя бы немного полезным, чем бесполезным целиком, – говорит Самсон.

В этой чудовищной тираде есть логика, и это бесит Рису еще больше.

– Надеюсь, тебе понравится в заготовительном лагере, Самсон, – говорит Риса и встает, чтобы найти себе другое место.

– Прошу всех сесть! – кричит сидящая в передней части салона надзирательница, но все бесполезно. Никто ее не слушает. В автобусе полным-полно детей, и все прыгают с места на место в поисках единомышленников или, наоборот, стараясь избежать излишнего внимания. В конце концов Рисе удается найти местечко у окна; вдобавок рядом еще и никого нет.

Поездка в автобусе – лишь первый этап длительного путешествия. Рисе и всем остальным объяснили, что сначала их отвезут в центральный приемник-распределитель, где встретятся десятки воспитанников из интернатов разных штатов. Там детей рассортируют, затем рассадят по автобусам и отправят кого куда.

Значит, в следующий раз придется ехать в автобусе, полном Самсонов, думает Риса. Замечательная перспектива. Ей уже приходило в голову, что можно попытаться незаметно прошмыгнуть в другой автобус, но, к сожалению, нанесенный на их браслеты штрихкод мешает это сделать. Все прекрасно организовано, и ошибок быть не может. Но Риса продолжает обдумывать различные сценарии побега, и в этот момент замечает, что за окном происходит какая-то суматоха.

Действо разыгрывается чуть дальше по шоссе. На другой стороне дороги стоят полицейские машины, а на полосе, по которой движется автобус, вот-вот окажутся два мальчика. Они бегут прямо через дорогу, не обращая ни малейшего внимания на пролетающие мимо автомобили. Один мальчик держит другого в борцовском захвате и чуть ли не тащит его на себе. Продолжив двигаться по той же траектории, они вскоре окажутся прямо перед лобовым стеклом автобуса, в котором едет Риса.

Водитель резко сворачивает вправо, чтобы избежать столкновения, и Риса ударяется головой об стекло. Автобус наполняется криками и стонами. В этот момент автобус резко останавливается. Риса вместе с другими ребятами соскальзывает с кресла и катится вперед по проходу. Она ударяется бедром, но, кажется, ничего страшного. Будет синяк, и все. Девочка вскакивает на ноги, стараясь оценить ситуацию. Автобус накренился.

Он съехал с шоссе и попал передними колесами в канаву. Лобовое стекло разбито и испачкано кровью. На нем много крови.

Ребята понемногу начинают подниматься и ощупывать себя. Никто особенно не пострадал: синяки и шишки, как у Рисы, не в счет. Но кое-кто уверен, что автобус попал в ужасную аварию. Надзирательница как раз старается успокоить девочку, бьющуюся в истерике.

Среди всего этого хаоса Риса вдруг чувствует себя решительной, как никогда.

Ситуация вышла из-под контроля.

Распорядок жизни детей, живущих в государственных интернатах, расписан до мелочей. В системе предусмотрены инструкции, которыми следует руководствоваться при самых разных обстоятельствах, но конкретного плана действий на случай аварии не существует. В течение ближайших нескольких секунд за ними никто не будет следить.

Внимательно глядя на переднюю дверь, Риса делает глубокий вдох и бросается вперед.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/79105/2390951